

Культура. - 1993. - Июль. - С. 7.

Говорим — Чехов. В уме — Лакшин

Антерский клуб «Театральный Арбат» Центрального дома актера имени А. А. Яблочниковой разослал приглашения в Музыкальную гостиную. Поводом для собрания стало 60-летие известного литературоведа и критика Владимира Яковлевича Лакшина, того самого, что когда-то работал у А. Т. Твардовского в «Новом мире», а теперь возглавляет Чеховскую комиссию и одновременно редактирует журнал «Иностранная литература», автора статей и книг о Чехове, Толстом, Островском.

Устроители вечера явно недооценили популярность юбиляра и потому вынуждены были в последнюю минуту использовать все прилегающие помещения, чтобы дать возможность пришедшим хоть как-то соприкоснуться с этим подлинным пиршеством интеллекта и юмора. Тон всему задавал Зиновий Паперный, незаменимый в подобных ситуациях человек. Ни о каких адресах и подношениях и речи быть не могло. Как говорят в таких случаях, не затем собрались здесь друзья Лакшина. Если бы я мог опубликовать список всех присутствовавших гостей, вы бы и сами поняли, что никто из них не способен был испортить это событие банальностями. Все говорили иск-

лючительно о Чехове. Но применительно к Лакшину.

Юбиляр, конечно, тоже не молчал весь вечер. То есть сперва он действительно внимательно слушал других, но потом произнес собственный монолог, где, в частности, была и такая неожиданная для наших дней мысль: «Когда мне исполнилось тридцать лет, многое не устраивало меня в этой жизни. К сорокалетию положение усугубилось, в пятьдесят все просто стало невыносимым. А вот сейчас я верю, что в ближайшее время все изменится».

Разумеется, слова Лакшина я привожу по памяти, но за смысл ручаюсь. И чтобы никто не усомнился в искренности подобного утверждения, доктор наук, уступив просьбам собравшихся, стал исполнять русские народные песни и старинные романсы, провоцируя гостей к хоровому сотворчеству...

И выяснилось еще раз, что плыть против течения совсем непросто. Но кто-то же должен это делать? Иначе — хана, «и погасим наши фонарики», как писал однажды Леонид Андреев. Однако и тогда, и теперь были, есть и, хочется надеяться, будут оптимисты — от Чехова до Лакшина и далее.

Борис ПОЮРОВСКИЙ.